

Гюстав Массе

ДОБЫЧА СЕН-ЛАЗАРА

ПАРИЖСКИЕ ПРАВЫ И ИЗНАНКА ГОРОДА

Гюстав Массе

Добыча Сен-Лазара

<https://litres.ru/74658667>

SelfPub; 2026

Аннотация

Париж, 1888 год. За блеском бульваров и фасадами респектабельных домов скрывается мир, где бедность соседствует с роскошью, а торговля человеческим телом переплетается с мошенничеством, шантажом и полицейским произволом. Гюстав Массе, бывший начальник парижской сыскной службы, проводит читателя по закулисы столицы: от Булонского леса и уличных притонов до пивных с официантками, тайных домов свиданий и публичных домов. Опираясь на опыт службы, документы, статистику и реальные происшествия, он показывает судьбы женщин, интересы сутенёров и содержателей заведений, лицемерие состоятельных клиентов и противоречия законодательства. «Добыча Сен-Лазара» — откровенное свидетельство эпохи и беспощадный разговор о том, способна ли полиция обуздать зло, которое само общество предпочитает не замечать.

Оригинальное произведение является объектом общественного достояния. Права на перевод сохраняются

Гюстав Массе

Добыча Сен-Лазара

ПАРИЖСКАЯ ПОЛИЦИЯ

ДОБЫЧА СЕН-ЛАЗАРА

Г. МАСЕ

БЫВШИЙ НАЧАЛЬНИК СЫСНОЙ СЛУЖБЫ

СЕДЬМАЯ ТЫСЯЧА

ПАРИЖ

Ж. ШАРПАНТЬЕ И К°, ИЗДАТЕЛИ

11, улица Гренель, 11

1888

Все права сохранены

ДОБЫЧА СЕН-ЛАЗАРА

Самому остроумному из префектов полиции Третьей республики

ГОСПОДИН ПРЕФЕКТ!

После наших поучительных прогулок по извилистым путям порочного Парижа вы пожелали узнать, какие формы принимает в наши дни мир проституции. «Я намерен знать всё», — говорили вы мне с тонкой улыбкой. Вы будете удовлетворены. К несчастью, если ваш ум одолеет эту тяжёлую картину, она сама очень скоро одолеет вашу улыбку. Показать важность преобразовательных идей, которыми вы обла-

даете, — трудная задача, и мне отнюдь не неприятно, что для неё избрали меня, не потому, что я притязаю кого-либо поучать, но разве сигнал об опасности не подаёт всегда безвестный солдат, поставленный на передовых постах? Добро-совестность и беспристрастность были моей единственной заботой в этих поисках во имя истины. Достиг ли я указанной вами цели, осветив зло в его мрачных глубинах, чтобы лучше изучить его и, если возможно, исцелить?

Судить об этом вам.

Общая картина, которую я имею честь представить вам, показывает во всей отчётливости язву, разъедающую массы, места, где продаются девушки, где покупаются удовольствия.

Если публичный разврат проституток принимает значительные масштабы, мужчины, каков бы ни был их возраст, едва ли лучше и нравственнее их.

Из-за кулис галантной жизни вы будете наблюдать игру страстей некоторых лиц, имеющих странное притязание быть элитой, главой, мозгом общества; и вы сможете оценить по их поступкам и непосредственно этих специалистов, живущих без малейших угрызений совести на доходы от разврата.

Чтобы дать вам возможность по мере сил смягчить печальные последствия заразного зла и облегчить поиски, которые могут вам понадобиться, я разделил труд на пять частей, снабдив его аналитическим и алфавитным указателем.

Первая часть посвящена зазыванию клиентов вообще; вторая касается заведений, благоприятствующих разврату; третья специально посвящена пивным, обслуживаемым девушками; четвёртая охватывает сутенёрство, а пятая — терпимые дома.

В многочисленных зелёных картонных коробках, которыми заставлены ваши кабинеты, покоится тщательно разложенное собрание актов, капитуляриев, жалованных грамот, парламентских постановлений, превотских приговоров, полицейских распоряжений и циркуляров, появившихся во Франции в связи с проституцией со времени её регламентации, то есть начиная с 800 года и до наших дней. Несмотря на совместные усилия законодателей, сословие проституток приходит и уходит, видоизменяется под разными названиями, повсюду вновь обнаруживая всегда один и тот же облик.

Поэтому я намеренно весьма сдержанно пользуюсь цифрами и текстами постановлений. Статистике можно заставить сказать всё, что угодно, — нужно лишь уметь ею пользоваться. В вопросах разврата сравнительные подсчёты основаны лишь на приблизительных данных, а регулирование, допускающее проституцию, одновременно подавляя её, порождает злоупотребления, которые невозможно искоренить, поскольку их основой служит произвол.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЗАЗЫВАНИЕ КЛИЕНТОВ

У крепостных укреплений

Как звенья одной цепи, всё в проституции связано между собой, и разврат и порок опоясывают Париж тройным кольцом. Самое тесное и главное из этих колец проходит по внутренним бульварам, особенно от Мадлен до Бастилии; расширяясь, оно достигает внешних бульваров, которые до 1859 года служили границей между старым и новым городом, а затем, продолжая расширяться, тянется вдоль стены крепостных укреплений.

В тёплое время года, на свежем воздухе, среди зелени, за рвами и на поросших травой откосах низшая проституция осуществляется свободно; это источник средств и убежище бедняков, которые по вечерам могут за небольшую плату воспользоваться темнотой, необходимой для их любовных излияний.

Служащие заставной пошлыны, высматривающие нарушителей, чаще всего различают лишь переплетённые силуэты, словно тени в китайском театре.

Вблизи укреплений, на непахотных землях, расположенных в военной зоне, постоянно устраиваются празднества с балаганами, акробатами, качелями и деревянными карусельными лошадками. Шум, производимый «зим-бум-бум» и «дрелинь-динь-динь» колокольчиков, сближает гуляющих мужчин и женщин, их руки соприкасаются, колени приходят в движение, и в этой толчее, в этом беспорядке по телам собравшихся пробегает зуд, которым пользуются уличные за-

зывалы, не желающие оставаться без работы.

Чем больше *трепля* на *тримаре*, говорят сутенёры, тем лучше *стучат* наши котелки (1).

(1) Чем больше народу в каком-либо месте, тем лучше работают наши женщины.

Булонский лес

Гордость и украшение Парижа — бесспорно, на западе Булонский лес, а на востоке Венсенский лес. Поэтому проститутки умеют извлекать из них неоценимые выгоды. Они знают тайны этих лесов, и им неведомы ни одни заросли, ни одна чаща и ни один подлесок.

С 1875 года проституция в Булонском лесу стала предметом особых исследований в управлениях вашей префектуры. Служба, занимающаяся её пресечением, непрерывно расширяется, чтобы бороться с огромным наплывом проституток и сутенёров, которые назначают там друг другу встречи с марта до конца осени. Булонский лес, впрочем, благодаря своему устройству представляет собой место, наиболее ценимое злоумышленниками; они действуют там в полной безопасности. За пределами главных дорог, ведущих к каскаду, к скаковым полям Лоншана, или перекрёстков, посещаемых «высшим обществом», таких как дорога вокруг озера, круглая площадь Девы и окрестности Пре-Катлана, нетрудно убедиться, что остальная часть леса не находится и не может находиться под действенным надзором стражей города Парижа. Эти служащие следят главным образом за тем, чтобы

имущество парка не подвергалось никакой порче, дабы сохранить за лесом характер места для прогулок и развлечений. Наблюдательные посты служителей расположены возле железных стульев и кресел, на которых отдыхают гуляющие, желающие наблюдать шествие светских дам и содержанок, более или менее горизонтально расположившихся на подушках своих экипажей.

И на севере, и на юге, и на востоке, и на западе в Булонском лесу имеются места сборищ для людей, промысляющих воровством, шантажом и развратом.

На севере опасная часть леса до пяти часов утра или после восьми часов вечера заключена между дорогой Лоншан — Нёйи, начиная от ворот Сюрен и до авеню Мадрид. Четырёхугольник, образованный этими дорогами и включающий парк Багатель с прилегающими к нему владениями, бороздят несовершеннолетние девушки или женщины старше тридцати лет. Женщин старше этого возраста, как и девушек моложе двадцати лет, здесь множество, и число их увеличивается или уменьшается в зависимости от мягкости или суровости времени года.

Несовершеннолетние девушки принадлежат к числу работниц прачечных и красилен Сюрена и Пюто. Зарабатывая мало (средняя плата едва достигает восьми франков в неделю), они бросают работу и отправляются развлекаться с солдатами возле казарм Курбеуа и Мон-Валерьена. Солдаты водят их в меблированные комнаты и кабачки дурной славы,

где они оказываются в обществе бродяг обоёго пола из Нёйи, Курбеуа, Пюто и Сюрена, которые, устав промышлять зимой в Сент-Уэне и Клиши или подвергшись преследованию в этих местах, укрываются в самых густых зарослях леса, зная по опыту, что здесь они меньше, чем где бы то ни было, рискуют подвергнуться преследованию.

Что касается проституток, застигнутых при явном зазывании клиентов, то они отказываются выполнять предписанные правила, и среди них часто встречается некоторое число зарегистрированных девушек, переставших являться на врачебные осмотры и уже по нескольку месяцев не способных указать никакого места жительства.

Эти женщины, торгующие своим телом, которых вполне справедливо называют «пьеррёз», поскольку они чаще спят на земле и камнях, чем в постели, увлекают за собой несовершеннолетних, служат им проводницами и превращают их не только в проституток самого худшего сорта, но и в сообщниц воров и мошенников.

Я должен был дать это объяснение, необходимое для понимания того, почему в Булонском лесу обычно встречаются лишь совсем молодые распутные девушки либо женщины, возраст которых приближается к сорока годам.

На юге находится самая красивая и наиболее посещаемая часть леса, но и там, под большими деревьями крытых и извилистых аллей, помимо девушек, бродят люди, предающиеся поступкам возмутительной безнравственности.

В этом прелестном уголке, называемом «Мар-д'Отёй», один министр, оказавшийся там *проездом*, сломал свою трость о спину сутенёра, сопровождавшего девушку; оба они оскорбили его жену. Сутенёр добился ареста министра, и без вашего вмешательства тот не вернулся бы ночевать на площадь Бово. Сопровождая его в полицейский комиссариат, агенты не переставали повторять ему: «Булонский лес — место прогулок, открытое для всех; если эти люди вам не нравятся, пишите в префектуру, но не бейте граждан».

На востоке, от ворот Дофин до песчаной дороги, Булонский лес окаймлён елями, под которыми встречается множество злоумышленников и проституток. В ясную погоду этих людей легко различить. Мужчины лежат на траве на некотором расстоянии друг от друга и таким образом наблюдают за торговлей своих женщин; они поднимаются лишь тогда, когда те успевают завести подцепленного мужчину в самую тёмную чащу, чтобы там можно было разговаривать и действовать без опаски.

Большинство поступает следующим образом: по условленному знаку девушка требует сумму большую, чем была обещана; если завлечённый мужчина отказывается, появляется сутенёр и без колебаний бросается на горло человеку, на котором он и его любовница хотят нажиться. «Это же „брий-ар“ (двадцать франков), — говорит ему злоумышленник, — как вы смеете торговаться из-за такой *жиронд* (красавицы), да ещё посреди леса; вы сумасшедший! Ну же, платите».

У неосторожного человека лишь одно желание: поскорее выбраться из ловушки. Он повинуетя и отдаёт деньги.

«Но это ещё не всё, — добавляет сутенёр, — мадам замужем; *жоне* принадлежит её мужу, я человек щепетильный и не хочу ничего брать у моего *аминиа* (приятеля по делам), но поскольку мне полагается вознаграждение за беспокойство, я его требую... Не кричите, иначе я позову славных маленьких приятелей». Жертва отдаёт мошеннику ещё одну монету и уходит, причём девушка и её сутенёр сопровождают её до самой опушки леса.

В девяноста девяти случаях из ста жертва не осмеливается подать жалобу: ей пришлось бы признаться, при каких обстоятельствах её ограбили.

На западе, со стороны города Булонь, можно сказать, что только лесистую часть между холмом Мортемар и дорогами Сен-Дени и Сен-Клу посещают женщины или подозрительные личности; это объясняется тем, что здесь движение гораздо менее оживлённое, чем в направлении авеню Нёйи или Ла-Мюэтт, однако и тут довольно часто можно встретить солдат и молодых девушек, приходящих сюда заниматься проституцией.

Никто не станет отрицать, что названные выше места Булонского леса, равно как и другие его участки, посещает весьма дурная публика. В хорошее время года девушки ведут здесь свои дела так же легко, как и на некоторых парижских улицах. Они, несомненно, зазывают клиентов, и муж-

чины тем охотнее поддаются их соблазнам, что воображают, будто имеют дело с работницами, покинувшими мастерскую.

Для исправления этого положения, насколько позволяют силы и численность служащих, по согласованию с смотрителем леса, который предоставляет в распоряжение агентов множество подчинённых ему стражей, устраиваются дневные и ночные обходы и наблюдение; вследствие этого за одну только ночь там задерживают около сотни лиц обоего пола. Такие облавы опасны из-за насилия и сопротивления, оказываемого агентам; ещё опаснее они становятся вследствие ошибок, которые агенты могут совершить. В самом деле, в Булонском лесу ночуют не одни только преступники и проститутки: я находил там молодых людей с их любовницами, лиц, состоящих в законном браке, имеющих жильё в Париже и достаточные средства к существованию, которые, несмотря на это, считали вполне естественным прийти спать и провести ночь в чащах Булонского леса, совсем как бродяги.

Во время последней облавы агенты застали графиню де Х..., живущую на улице Фобур-Сент-Оноре, когда она вместе с проституткой вела наблюдение. Эта графиня, женщина лет пятидесяти, купившая фамилию и титул разорившегося молодого человека, лишённого щепетильности и нравственных устоев, слишком скоро увидела, как омрачается её медовый месяц; граф не только изменял ей, но и делал всё возможное, чтобы в свою очередь разорить её.

Желая добиться раздельного проживания через суд, гра-

финя решила собрать доказательства общеизвестной распущенности своего супруга; она узнала, что он поддерживает связи с проститутками, промышляющими возле Триумфальной арки. Она встретилась с девушками, утверждавшими, что знают графа, и выслушала их, а одна из них, умная и хитрая, взялась за солидное вознаграждение организовать вокруг этого мужа искусное и серьёзное наблюдение.

Спустя пятнадцать дней женщина-полицейский вручила графине обстоятельный отчёт. Граф был распутником самого худшего рода, и его излюбленная страсть состояла в том, чтобы около полуночи отправляться в заросли Булонского леса с мужчинами и женщинами дурного поведения. Все они полностью раздевались и сообщая предавались самым отвратительным оргиям. Граф платил этим людям и сам участвовал в ночных сценах.

Графиня не приняла столь ценных сведений без проверки: она навела справки у других проституток, которые подтвердили их достоверность. Тем не менее она пожелала присутствовать при одном таком представлении, и в ту ночь агенты задержали сначала графиню и её проводницу, а затем и графа, пившего пиво в обществе сутенёров и девушек.

Осведомительница графини призналась, что из корыстных побуждений и ради подтверждения большей части ложных сведений, сообщённых о графе, она по соглашению со своими *товарками по проституции* устроила небольшую встречу в Булонском лесу.

К массовым задержаниям, помимо их опасности, присоединяется ещё одна трудность. В Булонском лесу нет ни одного места, где можно было бы временно содержать лиц, подлежащих проверке. Посты стражей совершенно для этого не приспособлены, и задержанных приходится доставлять в жандармерию на авеню Нёйи, а оттуда — в полицейский комиссариат. Большинство задержанных отпускают на свободу, как только им удаётся представить хотя бы видимость наличия жилья, так что на следующий день они вновь возвращаются ночевать в лес.

Что касается девушек, то их направляют в полицейскую префектуру, но поскольку сутенёры обычно имеют по несколько любовниц одновременно, задержание одной из них наносит им лишь сравнительно небольшой ущерб и не мешает продолжать своё отвратительное ремесло.

Обходы Булонского леса дают не те результаты, каких можно было бы ожидать; они, правда, позволяют задерживать некоторых проституток, но сутенёры избегают всякого преследования, тем более что само наблюдение становится бесполезным из-за присутствия этих же сутенёров, предупреждающих девушек и их сообщников о приближении агентов.

У лесной полиции имеется ещё один враг — дорожный рабочий, который, не спуская глаз с дороги и держа в руке пику, во время работы незаметно помогает девушкам уйти.

Препятствия, с которыми сталкиваются представители

власти, возникают непрестанно и весьма затрудняют их и без того деликатную задачу вследствие враждебности, которую публика ежедневно проявляет по отношению к ним.

Венсенский лес

По воскресеньям и праздничным дням настоящим местом прогулок жителей парижских предместий становится Венсенский лес. Здесь они принимают воздушные ванны, это их владение, их любимый сад, и они без сожаления уступают Булонский лес тем, кто, подобно завсегдатаям бульваров, любит толпу, кавалькады и бесконечные вереницы экипажей.

Несмотря на то что там прошли лесорубы и потрудились садовники, уничтожившие дикие уголки, чащи и уединённые группы деревьев, Венсенский лес всё ещё сохраняет живописные стороны, прелестные места, полные неожиданностей, где прохлада и тень укрывают семьи, желающие во время и после трапезы спрятаться от нескромных взглядов. Там по-прежнему устраивают обеды на траве.

Если Венсенский лес один или два раза в неделю целиком принадлежит рабочему классу, то в остальные дни он служит обычным местом свиданий воров, сутенёров и проституток.

Главный инспектор, директор парижских городских работ, не перестаёт сообщать о присутствии женщин дурного поведения и подозрительных людей, которые бродят по лесу и зазывают гуляющих.

Такое положение дел, угрожающее общественной без-

опасности и противоречащее добрым нравам, отвращает мирную публику от прогулок.

Немногочисленные стражи, одетые в выдающую их форму, бессильны положить конец этому бесчинству, и лишь агенты в штатском в конце концов задерживают нескольких девушек, слишком открыто пристающих к прохожим возле пиротехнических мастерских, на дороге Сен-Луи и неподалёку от аллей близ кладбища Шарантона. Но больше всего женщин, живущих проституцией, у лагеря Сен-Мор, где размещена артиллерия; там они зазывают военных, а затем расходятся с ними по лесу.

Пресекать подобное здесь ещё труднее, чем в Булонском лесу. Агенты убедились, что им противостоят пожилые рантье с причудливыми привычками, которые большей частью приходят сюда удовлетворять свои страсти и предупреждают заинтересованных лиц о принятых мерах и предписанном наблюдении; дорожные рабочие, извещающие девушек, спрятавшихся в чащах в обществе привлечённых ими мужчин; наконец, вмешательство венсенских артиллеристов, и последнее объясняется тем, что в этом лесу у проституток нет клиентов постояннее их. Солдаты встречаются с ними возле форта, в кабачках дурной славы на улицах Террье, Леван и Монтрёй, и за несколько су образуются пары, которые отправляются предаваться самому постыдному разврату в лесные заросли. Иногда одна и та же девушка поочерёдно отдаётся нескольким солдатам, и в это время один или двое

из них неизменно стоят на страже.

Эти девушки, что нетрудно понять, страдают тяжёлыми венерическими болезнями, и военное начальство посредством записок, именуемых «штабными», ежедневно требует их розыска. Именно во время этих розысков, имеющих первостепенное значение, агенты, вынужденные обыскивать подлесок и заросли, подвергаются оскорблениям, насилию и сопротивлению со стороны преступников, которыми кишит это место.

Эта враждебность по отношению к агентам в Венсене, можно сказать, постоянна, и не проходит года, чтобы в праздник святой Варвары (4 декабря) администрации не приходилось удваивать наряды и устанавливать особое наблюдение за артиллеристами, которые разоряют лес и доходят даже до того, что разбивают витрины и обстановку домов терпимости, расположенных по соседству, отчего происходят драки и скандальные сцены.

Помимо девушек, которые ночуют под открытым небом и помогают вору, здесь есть похитители свинцовых пуль, подбирающие их во время стрелковых испытаний на Венсенском полигоне. Эти люди, уже судимые и всегда опасные, упражняются в обращении с ножом и умеют, как сами выражаются, бесшумно проделывать «человеческие петлицы».

Между агентами и разными категориями преступников, населяющих Венсенский лес, идёт непрерывная борьба. Помимо этой борьбы, когда необходимо задержать девушку

или её сутенёра, существует первостепенное препятствие, затрудняющее действия оперативной полиции. Её сотрудники обязаны соблюдать правила, регулирующие порядок в прогулочных местах и общественных садах Парижа. Именно поэтому наблюдение ведётся по просьбе зрителя леса, который обращается к префекту полиции. В его распоряжение направляют инспекторов сыскной полиции и полиции нравов, и те действуют под начальством бригадиров.

Содействие стражей в подобных обстоятельствах необходимо, особенно в Венсенском лесу, где есть места, закрытые для публики и неизвестные агентам. Стоит тем, кому поручено помогать агентам, забыть сообщить им необходимые сведения, как это приводит к ошибкам, нередко приобретающим неожиданные масштабы.

Тем не менее Булонский и Венсенский леса останутся местами прогулок, посещаемыми жителями Парижа; однако любители уединения поступят благоразумно, если не станут слишком углубляться под их густую листву: там им могут повстречаться дурные люди.

Вы должны, господин префект, содействовать тому, чтобы пребывание там было приятным для населения, обеспечивать безопасность семей и удовлетворять многочисленные законные жалобы, поступающие к нам. Средство просто: для этого нужно организовать неослабное наблюдение, продолжать широкие обходы, благодаря которым на скамью подсудимых исправительного суда удалось отправить отборную

компанию преступников и девушек. В настоящее время оба леса почти очищены; я только что уничтожил там два гнезда педерастов, птицы сидят в клетках и отдыхают в тюрьме Маза, где вы вскоре их увидите, и вы удивитесь, узнав от них о способах шантажа запоздалых гуляющих, перед которыми они выдавали себя за агентов полиции нравов.

Внешние бульвары

От Триумфальной арки до ротонды Ла-Виллет; от этой ротонды до площади Трона; от площади Трона до входа в Катакомбы; от Катакомб до Военной школы; а от этой школы до авеню Булонского леса — все прежние внешние бульвары без исключения после зажжения уличных фонарей оказываются во власти проституток, и если вы сопротивляетесь их любезным домогательствам, они зовут сутенёров, которые берутся добиться согласия трогательными и убедительными средствами.

Эта разновидность потаскушек, состоящая из зарегистрированных и незарегистрированных девушек, молодых, довольно миловидных, с непокрытой головой и дерзким видом, занимается зазыванием с возмутительными упорством и наглостью.

На бульварах, примыкающих к бывшим коммунам Монмартр, Ла-Шапель, Ла-Виллет, Бельвиль, Шаронн, Монруж, Иври и Гренель, их больше, и они действуют небольшими группами; их поведение и речи, которыми они сопровождают предложения своих услуг первому встречному, вызывают

отвращение у порядочных семейств, которые уже не решаются гулять здесь с детьми или присесть на скамьи, захваченные подобными созданиями.

Внутренние бульвары

Именно на углу улицы Фобур-Монмартр, после нескольких минут остановки, вы, господин префект, были поражены ужасающим размахом, который приобретает проституция. Несмотря на облавы, проводимые агентами полиции нравов по письменным распоряжениям вашего начальника муниципальной полиции, тротуары бульваров от улицы *Пуассоньер* до Мадлен переполнены отвратительными девицами, которые нагло пристают к прохожим, бросаются к гуляющим, неотступно следуют за ними, берут их под руку и не оставляют, пока их не заставят, сопровождая их уход гнусными речами и непристойными жестами.

Эти действия совершаются на благосклонных глазах стражей порядка; они присутствуют при этом реалистическом, постыдном, грубом, наглом торге.

Череда бульваров, эта очаровательная прогулочная улица, столь приятная иностранцам, становится труднодоступной для отцов семейств.

Проституция больше не таится, она завладела лучшей частью мостовой, бесстыдно выставляет себя напоказ, а по вечерам девицы, не довольствуясь тем, что мешают движению, начинают находить удовольствие в оскорблениях порядочных женщин.

Новые актрисы перекрёстков, они устроили свой театр прямо на улице; разве не избрали они теперь пьедесталами островки, образованные закруглёнными тротуарами? Их видно издалека и при полном свете.

С зарегистрированными девицами, то есть подчинёнными санитарным и дисциплинарным обязанностям, полиция может легко справиться. При малейшем приказе они отходят, продолжают путь или без скандала следуют за инспекторами, но те, кого называют незарегистрированными, словно пользуются привилегиями и тем самым заставляют подозревать отвратительный сговор между ними и агентами, которым поручено пресечение этих нарушений. Вот эти последние, повторяю, держатся дерзко, зная, насколько тяжело задержать на улице одну из них, решившую не подчиняться требованиям властей. Она инстинктивно чувствует себя защищённой от полицейских мер, и те, кто её поддерживает, первыми требуют решительной очистки, чтобы положить конец безнравственным беспорядкам на улицах.

Незарегистрированные девушки вследствие разнообразия своих нравов и отсутствия медицинских осмотров гораздо опаснее зарегистрированных.

Развратники наивно доверяют уплаченной цене, полагая, что тем самым ограждают себя от заражения сифилисом. Это изречение нельзя считать аксиомой, поскольку многочисленные примеры доказывают, что высокая цена ещё никогда никого не защищала.

Талантливая актриса, пользовавшаяся известностью в театре Жимназ, весьма серьёзно подорвала здоровье одного академика.

Известно это трио нездоровых женщин, пользующихся успехом в Булонском лесу и на скачках. Одна из них прежде была певицей Оперы, другая, прежде чем присвоить себе имя из театрального произведения автора *Полусвета*, каждый вечер выходила на бульвары и Елисейские Поля в наряде элегантной горничной и выгуливала великолепного пса. Её вызывающий взгляд достаточно ясно показывал, что она искала того, кто последовал бы за ней. Её поклонники утверждают, что пёс умён и выдрессирован исполнять необыкновенные трюки; третья, мнимая польская герцогиня, отравила под предлогом политики самого молодого из наших государственных секретарей.

Я позабыл эту девицу, вошедшую в моду благодаря своей тайной работе, ночным операциям и почтовой бумаге, на которой выгравирован череп, окружённый словами, весьма точно подводящими итог жизни её жертв:

Любить, страдать, умереть!

И сколько же она распространила на своём пути привязанностей... венерических?

Все эти женщины, однако, требуют за себя весьма высокой платы.

В образном языке наших дней прилагают немало стараний, чтобы одним новым словом охарактеризовать этих

торговок, продающих любовь по установленной таксе; прямо-таки выдумывают названия в честь современных куртизанок, а некоторые журналисты доходят до того, что даже претендуют на авторство этих слов. Разве не окрестили они одну за другой прежнюю лоретку *хорошенькой малышкой, коленопреклонённой, бродячей, первой маркой, мгновенной, гоммёзой, блестящей, мукеткой, постоянной, муссёзой, скитающейся, горизонталкой?* Эта последняя и самая удачная классификация, приписываемая господину Орельену Шоллю, — единственная, которая говорит многое, не говоря ничего. В 1871 году господин А. Вакри называл свою Прозерпину и ей подобных *универсальными*.

Все эти псевдонимы, на время принятые в среде, не имеющей ничего общего с приличным обществом, означают для публики лишь девушку, которая ищет средства к существованию наудачу и посредством продажных любовных связей.

Полиция называет их незарегистрированными, распределяя следующим образом:

- 1° Уличная девица;
- 2° Девица из кафе;
- 3° Девица из пивной;
- 4° Девица с ужинов;
- 5° Театральная девица;
- 6° Маленькая содержанка;
- 7° Женщина на содержании.

Холостяки, в зависимости от возраста, положения и вос-

питания, называют их *пожирательницами сердец*, *торговками улыбками*, *ланями*, *нежностями*, *любительницами прикосновений*, *гургандиями*, *светилами* или *бриллиантами*, а военные называют их *пайяс ла ури* (привлекательная женщина) и *мокер*, если они участвовали в африканских кампаниях.

Прежние *мускадены*, *невероятные* эпохи Директории, *чудесные*, денди эпохи Реставрации, модники, *львы* царствования Луи-Филиппа уступили место, почему и как, *кокодесам*, *ганденам*, *маслянистым*, *тощим*, *липким*, *выжатым*, *гоммё* и *раздутым*? Гротескные прозвания, которым Академия никогда не окажет чести занесения в словарь.

Эти мальчишки от восемнадцати до двадцати пяти лет, так называемые сыновья хороших семейств, подражают своим предшественникам и не дают традиции угаснуть, выискивая от безделья неудачные метафоры, чтобы обозначать себя, понимать друг друга и узнавать друг друга. Хилые, смешные, лишённые ума, враги хорошего вкуса, глупые в любви, они составляют в полусвете тот самый *гратен*, ту *гомм*, ту *пуасс*, тот *пиют* и тот *влан*, которых даже в поездках легко обирают женщины, называемые ими *кокоткой*, *креветкой*, *журавлихой*, *любительницей уженов*, *ночной красавицей* и *кампёзой*.

Светская женщина обычно именует девушек всех разрядов *тварями* и *обезьянами*.

Парижский мальчишка, этот остроумный, самобытный,

изобретательный гаврош, который был и останется ужасом представителей власти, имеет свой особый словарь, бесконечно меняющийся в зависимости от места и обстоятельств. В театре его любовница — *Людовик XV, трясогузка*; на прогулке она превращается в его *куколку, большую голову, милую Марго*; когда же она бродит одна, он сердится, и она становится *уличной бегуньей, шлюхой, мошенницей, клопом*.

Сутенёры, те, кто защищает девушек и взамен получает деньги, которые те зарабатывают потом собственного тела, употребляют живописные, выразительные обороты, соответствующие своеобразному роду занятий настоящих протитутков. Когда они при деле, это *инструменты, опарыши, губки, мармиты*.

Между собой, когда они идут с ними под руку, сутенёры называют их *жиголетками, тримёзами, катишами, менессами, ларгами, рулёзами, жерсами, бельём, персилёзами и гонзессами*.

Чтобы закончить эту тошнотворную номенклатуру, следует привести здесь ярлыки, которые бабники навешивают на головы своих клиенток зрелого возраста, всё ещё ищущих поклонников; вот эти названия: *руиши, терьерши, черепахи, карнавалы, трюмо, петассы, грязь, ящик для пожертвованний бедным, треска и старая гвардия*.

Большинство незарегистрированных девиц, которые шляются по улицам или позволяют возить себя в экипажах, происходит из низших классов, и за редкими исключениями,

когда среди них встречаются лица благородного облика, в их внешности и манерах заметны только признаки их происхождения.

Эти девицы заполняют кафе на бульварах, и такие заведения посещает столь сомнительная публика, что человек, уважающий себя, не может войти туда со своей семьёй. Агенты, ведущие наблюдение, неоднократно отмечали, что с девяти часов вечера до двух часов ночи туда заходило около пятидесяти проституток. Однако существуют превосходные заведения, отличающиеся безупречным порядком, владельцы которых отказываются принимать горизонталок, но надо знать, где они находятся.

Терраса, занимающая летом половину бульвара, служит прежде всего местом встреч изящной публики третьего сорта, средоточием для поисков разврата, на который жалуется общество и в защиту которого (странная насмешка) это же общество всякий раз вступается, когда предпринимают попытку прекратить этот скандал.

Вы видели, господин префект, как вокруг столиков, расположившись на четырёх или пяти рядах стульев, сидят бездельники, авантюристы, щёголи в тесной одежде и охотники за женщинами; они рассматривают проходящих девушек, словно барышники лошадей, уже считая их всех без разбора своей добычей за ту или иную цену; они громко отпускают на их счёт непристойности, оценивают их, назначают им цену сообразно их манерам, красоте, формам или качествам,

возбуждающим похоть.

Эти люди, большей частью состарившиеся в знакомстве с человеческой порочностью, сами испорченные и развращающие других, все без исключения безудержно преданные страстям и отвратительным вожделениям, привыкшие предполагать зло и угадывать его, клеветуют на прохожих и обливают грязью всех.

Именно на террасах нескольких особых кафе зарождаются и разрастаются самые отвратительные поступки. Клевета, котировки обесценившихся на Бирже бумаг и непристойности составляют предмет их разговоров. Каждый по-своему жертвует последним су, лишь бы выставить себя напоказ у входа в кафе. Делая вид, будто презирают женщин, они намеренно смешивают их с развратными девицами бульваров, которых только они и знают и ценят.

Теперь между опустившимся сыном состоятельного семейства, юношей, которого душит нужда, и сутенёром так мало физического или нравственного различия, что отличить их друг от друга почти невозможно.

Как я уже говорил вам, главное занятие посетителей этого рода состоит в наблюдении за вереницей развратных женщин, заплонивших бульвары. Эти несчастные, увешанные кружевами, шёлком и бархатом, весь вечер проходят одним и тем же путём взад и вперёд под дождём, в хорошую погоду, в холод и в жару; они задевают прохожих, обшаривают взглядом кафе и с невозмутимым спокойствием, с улыбкой

на губах принимают оскорбления, которые им бросают. Пока мужчины не клюнут, они продолжают ходить туда и обратно.

Час абсента означает для проституток всех категорий час начала работы.

Девицы, живущие в девятом округе, округе Оперы, включающем кварталы Сен-Жорж, Шоссе-д'Антен, Рошешуар и предместье Монмартр, занимают тогда места на тротуарах, выходят на охоту, вынюхивают лёгкую добычу то поодиночке, то парами, нередко целой толпой, смеясь, крича и толкаясь, чтобы привлечь внимание. Одна отбегает в погоню за мужчиной, другая останавливается в ожидании второго, и эта маленькая армия таким образом прочёсывает бульвары, намереваясь загнать тех, кто кажется ей выгодной добычей. От них пахнет чесноком или мускусом, и они предлагают себя без различия на час, на день, богатому уличному повесе, разорившемуся франту или старику, чья жизнь держится на волоске.

Грубое веселье, которое они изображают, занимаясь своим промыслом, составляет одну из самых любопытных сторон их существования, и если бы оно не вызывало жалости, то могло бы послужить предметом замечательных исследований.

Терпение и упорство — главные добродетели этих девиц. Та, что учует *серьёзного мужчину*, начинает следовать за ним и выдаёт своё присутствие шуршанием наряда, затем толкает локтем *намеченную жертву*, проходит перед нею и оста-

навливается так, чтобы преградить ей путь. Вынужденный свернуть, *мужчина, которого предстоит завлечь*, смотрит на неё, и тогда быстрым знаком, улыбкой она даёт понять, на какого рода наслаждениях специализируется. Не дожидаясь ответа, она исчезает и прячется за киоском или афишной тумбой, чтобы дать господину время подумать и прикинуть содержимое своего кошелька.

Бульварный гуляка, уже обманутый или совершенно к этому равнодушный, сперва бывает доволен, но женщина не оставляет его в покое, ибо вскоре он видит, как она появляется снова, настойчивее прежнего.

Если предложение оказывается недостаточным, неутомимая проститутка покидает мужчину с тем же пылом, с каким упорно его преследовала, и, возобновляя свой бег, нарочно проходит сквозь группы праздных прохожих, движется вдоль террас кафе, щиплет и толкает официантов, строит гримасы и показывает язык посетителям, которые отвечают на непристойный жест непристойностями, к великому изумлению гуляющих.

Рядом с этими девицами встречается степенная женщина, *женщина-монумент*, которая идёт под шелест волочащейся юбки размеренными шагами, не упуская из виду ни одного метра пространства. Она прекрасно знает своё место, имеет собственную клиентуру и умеет узнавать её, не вызывая скандала.

Есть затем и *проворная женщина*, которая заинтриговыв-

вает прохожего, мечтающего завладеть бегущей девушкой. Он обращается к ней с несколькими любезными словами, но не получает ответа. Погоня продолжается до той минуты, когда *невинная особа*, запыхавшись, останавливается перед лавкой ювелира. В этом и состоит *её уловка*: если мужчина её не оставляет, начинается оживлённый торг о цене её благосклонности.

Другая, чтобы придать себе солидности, несёт в руке свёрток нот либо на руке маленькую пустую сумочку, в которой, если там вообще что-нибудь лежит, находятся только расчёска, ночная сорочка и обычное полотенце. Это *на всякий случай!*..

На днях вечером я показывал вам двух подруг, *парочку*, которые, желая привлечь внимание иностранцев, принимают важный вид, называют себя графиней и баронессой и говорят на каком-то жаргоне, претендующем на сходство с английским языком.

Нередко можно услышать, как девицы говорят по-английски, по-немецки, по-русски, по-испански, по-итальянски и цитируют остроты наших лучших писателей; они специализируются на завлечении иностранца, приятно очарованного встречей с женщиной, которая его понимает и с которой ему легко договориться.

Не хочу забыть и девицу, которая водит на длинном поводке маленькую болезненную собачонку, поскольку её поят водкой под предлогом, будто это мешает ей растолстеть;

она едва держится на лапах и, повизгивая, путается в ногах прохожих. Этот новый способ забавляться служит главным образом завязыванию связи на час или на ночь.

Матери, которые зазывают мужчин, держа за руку своего ребёнка, труднее всех поддаются аресту. Если полицейский, удостоверившись в многочисленных случаях зазывания с их стороны, только попытается обратиться к одной из них, толпа тотчас освистывает, осыпает его насмешками и избивает, не зная толком, в чём дело, но торопясь закричать, будто арестовывают честную мать семейства.

Бульвары не всегда хорошо освещены; на протяжении их встречаются тёмные места, особенно участок между улицей Басс-дю-Рампар и площадью Мадлен. С девяти часов вечера целый рой девиц с непокрытыми головами берётся за руки и преграждает прохожим *дорогу*. Без выбора той, что вас уведёт, говорят они, пройти нельзя.

Зимой промысел на террасах прекращается, и нет ничего одновременно более любопытного и более постыдного для подробного наблюдения, чем внутреннее убранство кафе и пивных, где бывают женщины.

Состояние, возраст и общественное положение смешиваются в этой развлекающейся публике, и в ней представлены все разновидности проституции.

У завсегдатая есть свой уголок, он приветствует рукой девиц по мере их прихода и высказывает своё мнение о ново-прибывших, угощает их напитками и осведомляется о кур-

сах на бирже Киферы.

В глубине зала, среди шумных групп женщин, нередко можно заметить красивого молодого человека, полного задора, одетого с безвкусной элегантностью и в мягкой шляпе; здесь он чувствует себя в своей стихии, пьёт, курит, порицает доносчиков, к числу которых сам принадлежит, и проповедует свободу личности, которой злоупотребляет, избивая мужчин, отказывающихся от услуг его подопечной. Это сутенёр. По условному знаку одной из девиц он выходит, не заплатив за выпитое, чтобы уступить место *щедрому клиенту* (1). Он вернётся к своей любовнице лишь к закрытию кафе, если, конечно, она будет свободна.

(1) Мужчина, щедро платящий женщинам.

Возле стойки картина меняется: здесь уже не хвастливый, болтливый сутенёр, а робкий, смущённый молодой человек; он тянется рукой к карману, ощупывает его, взвешивает содержимое и с некоторым беспокойством замечает, что посетителей становится всё больше. Насколько первый, по-видимому, имел власть над своими подругами, настолько этот находится под властью своих; его ласкают, когда дела идут плохо, забывают, когда торговля оживляется, и он проводит вечера, переходя от счастья к печали, не смея жаловаться. Это маленький сердечный возлюбленный, которым эти девицы по очереди обзаводятся за собственный счёт.

Стоит ему проявить немного твёрдости, как избранница напоминает ему, в котором часу домашние ждут его, чтобы

уложить спать, — так она заставляет его покинуть заведение и назначает ему свидание на следующий день у себя дома, в отсутствие щедрого клиента.

Совсем иное дело — господин, который состязается в ухаживании за девицами, щеголяя белоснежным бельём, изящной обувью и безупречными перчатками. Неизменно пунктуальный, он каждый вечер приходит в один и тот же час, стараясь предстать перед взглядами с самой выигрышной стороны. Он предусмотрительно держит возле себя маленькую скамеечку, которую подставляет под ноги соседке, говоря официанту: «Подайте всё, чего пожелает мадам», — и знаком даёт понять, что намерен оплатить счёт. Это новичок, изображающий *светского человека*.

Настоящий завсегдатый бульваров, ловкач, обращается с девицами бесцеремонно; вы слышите, как он говорит той, что наконец ему понравилась: «Ну, не дуйся, дела идут плохо, будь хорошей девочкой, я даю тебе луидор, вот всё, что я могу для тебя сделать. Если тебя это устраивает, подходи; официант, рассчитайся и подай экипаж».

Случается, что какой-нибудь рабочий, слегка захмелев, забредает в одно из этих заведений; он ищет развлечений, хочет подражать франту. Официанты гонят его прочь, и тогда возникают бурлескные сцены, в ходе которых девицы отвечают ему дерзостью на дерзость до самого его ухода.

Если же, напротив, появляется иностранец, несчастный не замечает, как вокруг него образуется пустота; он стано-

вится предметом внимания девиц: одна зовёт его, другая тянет к себе, все осыпают его насмешками, но, плохо понимая французский язык, он видит в таком приёме лишь образчик галльского шутовства и старается смеяться, угощая напитками всех без исключения, кого только что позабавил.

Внутри женских кафе, а также некоторых современных пивных на улице Фобур-Монмартр первый ряд столиков обычно усеян девицами, которые ожидают от судьбы хоть немного благополучия.

Одни, расположившись поближе к улице, подают прохожим знаки, вторые читают газету, третьи набрасывают подобие письма, а остальные болтают, копошатся, рассказывая о своих приключениях, неудачах и сроках пребывания в Сен-Лазаре.

— А я, — восклицает одна шутница, — только что вышла из большой гостиницы Сен-Лаз, где по протекции исполняла должность реклемёзы.

— Реклемёза, — отвечает её подруга по ремеслу, — не знаю я в Сен-Лазаре такой твари.

— Вот уж дура-то. Реклемёза означает звонковую, прислугу, обязанную находиться в распоряжении сестёр и являться на их вызовы.

Все они примечают проходящего мошенника или того, кто уклоняется от платы за полученные ласки (1). Они крикуют наряды себе подобных, устраивают пакости соседкам, выливают остатки напитков на скамьи и стулья и, слов-

но завсегдатаи кабаков, много пьют, без меры курят и плюют повсюду.

(1) Человек, который отказывается заплатить женщине, продавшей ему свои ласки; по аналогии с игрой в рулетку на ярмарках, где выставляют кролика, которого никому никогда не удаётся выиграть.

Для обхода зала каждая выступает по очереди; вновь прикрепив мушку и наложив на лицо свежий слой рисовой пудры, она начинает проверочный обход. Посетители подвергаются их осмотру. Одних бранят, толкают, щиплют, других, тех, кто берётся оплачивать расходы, целуют; а если завсегдатаи отказываются платить, рядом находится официант, который отпускает своим клиенткам в кредит или платит за них хозяйке за стойкой. Ночные ласки или выходной день станут ему наградой и одновременно возмещением расходов.

Рядом с этим сборищем гуляющих женщин образуются небольшие группы, менее шумные, серьёзные, практичные, занятые исключительно делами. Здесь можно услышать разговоры о мужчинах, стоящих пяти луидоров, о потрясающих ужинах, о мебели из заморского дерева, об экипажах, лошадях и бриллиантах.

Наступает час закрытия, приходится покидать кафе и пивные с девицами, и тогда начинается всеобщая суматоха, приводящая в движение плотную толпу проституток. Одни, раздражённые неудачами, орут, ссорятся, осыпают друг дру-

га оскорблениями и на улице вырывают друг у друга запоздалого прохожего. Другие, руководствуясь торговыми соображениями, предпочитают вернуться одни, нежели отдаться за цену ниже своей обычной ставки. Что же касается тех, кто портит ремесло, они продают себя тому, кто предложит наибольшую цену.

Примечательно одно обстоятельство: бульварная девица, столь высокомерная в течение вечера, заметно снижает цену своих ласк; начиная с девяти часов вечера она продаёт себя со скидкой; с пяти луидоров опускается до трёх, двух, одного и даже ниже. Те, у кого нет денег и кто голоден, а таких немало, довольствуются шукрутом с гарниром; те, у кого нет жилища, принимают гостеприимство первого встречного; наконец, те, кто впервые надел новый наряд, не отказываются, если идёт дождь, отдаться за стоимость поездки в экипаже.

Ещё более отвратительное зрелище разыгрывается в тот момент, когда гаснет последний газовый фонарь.

Девицы, которые, как они выражаются, «подцепили клиента», проходя мимо, с жалостью смотрят на своих товарок, которых дожидаются люди, живущие исключительно доходами от разврата: это сутенёр, мать, брат, пришедшие за любовницей, дочерью, сестрой, если удача им не улыбнулась!..

Эта отвратительная толпа медленно растекается и рассеивается по меблированным комнатам и домам в окрестностях улицы Фобур-Монмартр, тогда как привилегированная

её часть, сумевшая «подцепить клиента», отправляется продолжать ночь в ресторанах, которым разрешено оставаться открытыми.

На стульях и скамейках вдоль бульваров, среди семей, усаживаются женщины, наблюдающие за работой своих дочерей-девочек. Здесь можно также увидеть молодых работниц, подстерегающих проходящего возлюбленного и ожидающих благоприятного мгновения, чтобы влиться в людской поток. К этим двум категориям примешиваются уличные девицы, открыто выставляющие напоказ своё ремесло и стоящие у края тротуара, словно извозчицы экипажи. Они разваливаются на стульях, показывают ноги и забрасывают свои сети. Чаще всего это старые девицы, изуродованные возрастом и развратом и поворачивающиеся спиной к гуляющим, чтобы избежать света. У них свои привычки, свои причуды. Поужинав в ресторане с установленной ценой, каждая возвращается на вчерашнее место и прислоняется к тому же дереву. Образуется также небольшие кружки, где обсуждают события своего ремесла; там говорят о красоте, об удаче, о нынешних расценках, о новых девицах и делят клиентов на тех, с кем стоит связываться, и тех, с кем не стоит.

Эти девицы, некоторым из которых порой бывает пятьдесят лет, — специалистки, обращающиеся к старикам.

Они предпочитают располагаться на бульваре от улицы Друо до цветочного рынка Мадлен, в тёмных местах, где есть стулья. Хотя большинство из них живёт одним днём, неко-

которые обладают небольшими сбережениями, пополняемыми случайными заработками, и делят всё с молодым сутенёром, который уводит их домой, если ни один клиент не появился.

Когда девице надоедает сидеть на одном месте, она переходит на другое и так, от остановки к остановке, следует за потоком зазывалок, который тянется до Елисейских Полей, ещё одного главного пристанища проституток и педерастов.

Елисейские Поля

Здесь девицы стоят тесными колоннами в несколько рядов, на месте происходит постоянный прилив и отлив, и заведомо рестораны, концерты и Цирк на пути туда и обратно встречают эту женскую толпу, стремящуюся занять выгодное положение.

Здесь, как и в судейском сословии, есть сидящие и стоящие, каждая имеет свой способ действий, свою уловку, и с десяти часов вечера порок, неизменно присутствующий во всём своём безобразии, завладевает аллеями Елисейских Полей, так что одинокий прохожий должен остерегаться необыкновенных приключений.

Если неосторожный человек забредёт в толпу, собирающуюся вокруг кафе-концертов, он выйдет из неё затолканным, измятым, чтобы затем попасть в руки людям, называющим себя полицейскими инспекторами и обвиняющим его в безнравственном поступке. Он предвидит нелепое дело, ночь в полицейском участке, представляет себе тревогу родных, боится позора и злонамеренных толков, которые за

этим последуют, и потому с готовностью принимает предложение оставить его на свободе за сумму от десяти до пятидесяти франков. Придя в себя, он понимает, что стал жертвой двух шантажистов.

Если же этому прохожему повезёт больше и он избежит столь отвратительного обвинения, то возле Рон-Пуэн он увидит приближающихся к нему людей с развращёнными нравами, которые будут нащёптывать ему на ухо странные предложения; затем позади Дворца промышленности, на авеню д'Антен, на Кур-ла-Рен его станут донимать девицы, предлагая присесть то на скамейку, то у подножия деревьев, чтобы устроить там... короткую остановку.

Мужчина ещё может ходить среди подобных скандальных сцен, но порядочной женщине не следует появляться в этом месте прогулок, где она рискует запятнать свою репутацию.

Пассажи

В холодную, сырую погоду девицы укрываются в пассажах Жуффруа, Вердо, Оперы, Пренс, Сольнье и Бради, и когда сторожа этих пассажей, одержимые страстью к украшениям, пытаются проявлять властность, они подвергаются оскорблениям со стороны зазывалок или толчкам со стороны сутенёров и торговцев прозрачными карточками, несмотря на их причудливую форму и наличие миролюбивой шпаги, которая должна служить им для защиты.

Некоторые пассажи, как скверы и общественные сады, не подчиняются вашей юрисдикции, и потому полицейские

служащие, помимо дел, относящихся к публичному преследованию, вмешиваются лишь по поводу определённых действий и согласно вашим инструкциям; поэтому бродяги, бродяжничающие, нищие и девицы охотно назначают встречи в этих местах, охрана которых обыкновенно поручается бывшим военным, тщетно изнуряющим себя усилиями поддерживать порядок и нравственность.

Стражам порядка запрещено вмешиваться в работу городских служащих, и потому здание Биржи в полицейском отношении находится в ведении трёх различных служб. Правая аллея, если стоять лицом к зданию, находится в ведении сторожа сквера Лувуа, перистиль, внутренние лестницы и коридоры отданы под наблюдение служителей, а наружные подступы относятся к ведению ваших агентов.

Из всех крытых пассажей, бесспорно, именно в пассаже Панорам галантный промысел обосновался прочнее всего и действует наиболее независимо. Там вы сами видели вблизи, перед витринами, освещёнными газовыми фонарями, проституток, сутенёров и педерастов. Это объясняется устройством его галерей и ещё более близостью улиц Сен-Марк, Фейдо и Панорам, где находится значительное число мебелированных домов.

Иногда нашествие девиц достигает таких размеров, что торговцы направляют вам коллективную жалобу и требуют немедленного решения, однако их отношение к разврату отличается удивительным непостоянством.

Вы помните скандал, вызванный девицей иностранного происхождения, арестованной по их настоянию. Они знали её, поскольку ежедневно видели, как она занималась зазыванием, и обратили на неё внимание двух сторожей. Её задержание наделало шума, поскольку женщина раструбила о своём имени по всей прессе.

Встревоженное высшее начальство распорядилось провести обычное расследование, и торговцы, опасаясь оказаться замешанными в аресте, инициаторами которого они были, переложили всю ответственность на несчастных сторожей. Те и в самом деле, исполняя их пожелание, указали эту девицу инспекторам, которые стали за ней наблюдать и увидели, как она весьма ловко стреляла глазами, подцепила мужчину и, не выказав ни малейшего колебания, села вместе с ним в закрытый экипаж. Вернувшись через час, она снова принялась строить глазки и, когда выходила из галереи Вивьен в сопровождении молодого человека, заметив, что её хотят задержать, укрылась в гостинице, управляющая которой только что получила три месяца тюремного заключения и штраф в двести франков за систематическое вовлечение несовершеннолетних в разврат. После ночного обхода полицейский комиссар квартала обнаружил у неё шесть больных незарегистрированных проституток и двух девочек в возрасте от пятнадцати до семнадцати лет, ранее задержанных за занятия проституцией.

Пале-Рояль

От его прежнего процветания, можно сказать, почти ничего не осталось, и это излюбленное место прогулок иностранцев, некогда столь оживлённое, теперь погрузилось в тишину. В полдень, когда позволяет солнце, его маленькая пушка всё ещё производит достаточно шума, чтобы заставить лаять проходящих собак.

Сад и его галереи, некогда бывшие свидетелями великих потрясений нашей национальной истории, живут теперь одними воспоминаниями, и если так пойдёт дальше, весь Пале-Рояль вскоре станет столь же однообразным, как площадь Вогезов.

Можно подумать, что он поражён в самое сердце и что добродетель ему не на пользу.

По своему правовому положению он принадлежит государству; однако им управляет синдикат из двенадцати членов, избираемых из числа торговцев, которым надлежит принимать меры, необходимые для поддержания порядка и безопасности. Именно по их представлению управляющий вместе со своими надзирателями и служащими муниципальной полиции берётся изгонять из галерей и сада женщин, без стеснения подражающих обычаям прошлого.

Сутенёры и девушки иногда выбирают Пале-Рояль центром своих действий.

Последняя полученная жалоба подписана шестьюдесятью торговцами; они заявляют, что их положение невыносимо. «Наши женщины, — говорят они, — уже не осмеливают-

ся проходить здесь, не сталкиваясь с зазывалками, которые громко произносят непристойные слова и находят злорадное удовольствие в том, чтобы вести себя ещё более вызывающе, когда знают, что этим неприятны людям, способным их услышать».

Те же подписанты обращают внимание властей и на бродяг, лежащих вдоль скамеек или сидящих у подножий деревьев. Наконец, они жалуются на цветочниц, которые назойливо пристают к людям, намеревающимся остановиться у витрин их магазинов.

Последнее задержание, произведённое в восемь часов вечера, было тяжёлым для агентов и скандальным для всех присутствовавших. Речь шла о незарегистрированной проститутке, которая под перистилем Валуа соединяла зазывание прохожих с продажей непристойных фотографий. Когда инспекторы предложили ей последовать за ними, эта девушка стала кататься по плитам, крича: «На помощь, убийцы!»

Среди сбежавшихся любопытных находился её сутенёр, которому она сказала: «*Хватит ли у тебя смелости — пус-кай ресор в гляделки нюхачей*» (1).

(1) Ты смелый — брось перец в глаза полицейским.

Представители власти поспешили задержать этого чересчур храброго защитника. Разъярённая девушка продолжала: «Пусть будет *нетар* (шум), *аминии* (друзья) сыграют *жажа* на *пататро* (сбегут)», и, поднявшись, она с яростью бросилась на агентов, ударила одного, оцарапала другого и плю-

нула в лицо тем, кто пытался к ней приблизиться, крича: «Негодяи, мерзавцы, мои сутенёры ещё успеют вас узнать, чтобы прикончить!»

В течение десяти минут торговцы и публика спокойно, невозмутимо наблюдали за этой отвратительной сценой, а несколько лавочников вместо того, чтобы облегчить тяжёлую задачу инспекторов, осуждали задержания, которых требовали их собратья, говоря, что подобные меры отпугивают покупателей и тем самым наносят действительный ущерб их торговле. Для них изгнание девушек во имя нравственности было главной причиной упадка Пале-Рояля, ныне похожего на сад без цветов.

Сад Тюильри

Потребовались непрестанные жалобы прессы, чтобы добиться хотя бы видимости нравственности в садах Тюильри, ставших с 1871 года местом встреч весьма сомнительного общества.

Государство сдало эти сады в аренду городу Парижу вместе с правом пользоваться статуями и мраморными вазами, которые дополняют их убранство. Многие из этих произведений искусства находятся там уже более трёхсот лет и принадлежат музею Лувра.

Бродяги и бродяжки, не имеющие иной цели, кроме злого удовольствия разрушать, повредили ударами камней большинство этих художественных ценностей, особенно в той части сада, которая граничит с улицей Тюильри.

Эта предназначенная для сдержанных прогулок аллея, на которой от сдержанности не осталось и следа, отдана во власть сутенёров, спящих во рвах и растягивающихся на лужайках, между тем как девушки украшают свои волосы цветами, сорванными с клумб, занимают скамейки и выставляют себя напоказ любителям.

Этим летом во время утреннего обхода я обнаружил среди прочих групп одиннадцать сутенёров и девушек, лежавших рядом друг с другом. Скамейка посреди них была совершенно скрыта этой массой человеческой плоти, а измятые юбки *пьеррез* служили простынями этим существам, искавшим в восстановительном сне силы, утраченные накануне и необходимые для работы, которую им предстояло возобновить следующей ночью.

Столь прекрасное собрание самцов и самок, гармонично расположившихся рядом друг с другом, с лицами, выступающими вблизи одно другого, привело бы в восторг художника-реалиста. Двое старых зрителей, награждённых орденом Почётного легиона и признававших своё бессилие, облегчали себе работу, взирая отеческим взглядом на эту ужасную кучу паразитов: они с философским спокойствием курили трубки.

Слева от большого бассейна, если входить со стороны площади Согласия, та часть сада, которая прежде называлась *Малой Провансией*, превратилась в *Малую Польшу*; терраса у воды, вблизи оранжереи, служит убежищем девушкам,

рассорившимся с полицией нравов. Они вовсе не мечтают здесь о возвращении весны и ласточек; их прогулка не имеет ничего сентиментального, ибо с пяти часов вечера они предаются поучительным действиям самой возмутительной непристойности.

Очищение Тюильри продолжается; впрочем, речь идёт о введении нового устава, исполнение которого будет поручено военной службе национальных дворцов.

Помощь агентов не заставит себя ждать, когда понадобится обеспечить соблюдение добрых нравов, чтобы впредь эта прогулка стала приятной для порядочных людей.

Люксембургский сад

Если Булонский лес служит местом встречи богатых, праздных, добродетельных и порочных людей, соревнующихся в нарядах и новых модах, Венсенский лес имеет своих артиллеристов, Пале-Рояль — своих иностранцев, Тюильри — своих кормилиц и нянек, Ботанический сад — своих учёных и провинциалов, а старый сад дворца Медичи обладает счастливой привилегией принимать учащуюся молодёжь.

Мать не всегда может, как прежде в театре Конта, без опасения приводить сюда дочь, особенно в дни военных концертов. Однако в Люксембургском саду есть терраса и партер в его западной части, представляющие серьёзную сторону этого места, ту, где собираются семьи.

В зависимости от своего географического положения в Париже общественные места в большей или меньшей степе-

ни заполнены девушками. В Люксембургском саду есть свои девушки, которых сопровождают эксплуататоры разврата.

Будучи комиссаром полиции квартала Одеон в 1868, 1869 и 1870 годах, я имел возможность убедиться, что и тогда на этой прогулочной аллее, как и сегодня, находились зазывалки, которых следовало как можно меньше трогать, чтобы не вызвать выступления студентов. «Действуйте с величайшей осмотрительностью, — писал господин Пьетри своим служащим, — нравственное воздействие лучше материальной меры».

Указания того времени остались прежними. Девушка, задержанная в Люксембургском саду или на бульваре Сен-Мишель, говорил недавно начальник муниципальной полиции, может стать причиной скандала. И, чтобы снять с себя ответственность, он добавлял: господин префект ни за что этого не желает.

Студенты пользуются непростительной слабостью властей, чтобы подменять собой сотрудников полиции нравов; они хотят очистить *свой* сад, чтобы сделать его, несомненно, обителью добродетели.

Матери семейств, привыкшие к этой прогулке, никогда не бывают так спокойны, как во время каникул, то есть в отсутствие так называемых блюстителей чистоты нравов.

Эта безумная молодёжь, со своими достоинствами, увлечениями, прямотоушением и недостатками, иногда забывает, что старинный уголок Латинского квартала утратил преж-

ний облик и свои особенности и ныне слился с прочими частями столицы. Для прогулок здесь студенческий билет больше не нужен, а *их бал, их сад* стали достоянием всех. Таков результат действия свободы каждого на свободу всех.

Прежняя гризетка Мюрже делила со студентами и радости, и несчастья, умела любить, говорить о любви и доказывать её, не заботясь о нравственности; исчезнув, она уступила место пошлой, глупой, набелённой, продажной девке, которая сразу по своём появлении представила своего спутника, своего торговца любовью.

Господа студенты совершенно напрасно жалуются, ведь они принимают и поддерживают своим посещением дешёвые кабачки и пивные с девушками, а часть бульвара Сен-Мишель между бульваром Сен-Жермен и улицей Суффло сами окрестили выразительным названием «Рынок телят»; следовательно, именно посреди собственных владений они терпят продажную любовь и её постоянно меняющееся население. Их «Рынок телят» пустеет на время каникул.

Где девушек множество, там изобилуют и сутенёры, однако их не всегда легко распознать; не все носят традиционную кепку и разноцветный шейный платок; одни надевают круглые шляпы, другие — цилиндры, причём последние встречаются во всех общественных слоях.

Молодые моралисты Латинского квартала, полагая себя хозяевами завоёванной страны, под предлогом охоты на сутенёров, превративших *их бал, их сад* в публичный дом,

избивают мирных гуляющих, которые кажутся им подозрительными, и бросают в воду ни в чём не повинных граждан.

Эта печальная забава, это бессмысленное выступление тем не менее порождают бурные сцены; молодёжь любит шум, пользуется случаем нарушить общественный покой, сбивается в шайки, кричит, по пути разбивает стёкла лавок, ломает столы, стулья, посуду и стаканы торговцев прохладительными напитками.

В довершение столь блестящих подвигов она затягивает «Марсельезу», словно только что освободила Эльзас и Лотарингию.

На следующий день ущерб возмещают посредством сборов и подписок, и мне незачем называть самого щедрого жертвователя.

Если бы студенты с таким же усердием подвергали проверке свою совесть, с каким они сдают экзамены по праву и медицине, они вели бы себя сдержаннее.

Чтобы задержать сутенёров, надо начинать с девушек; но в Люксембургском саду, как и на бульваре Сен-Мишель, вследствие их неумелого вмешательства эта мера останется столь же трудноосуществимой, как попытка вернуть девственность их любовницам, ставшим наложницами публики.

Ботанический сад

Улица Эколь и бульвар Сен-Жермен соединяют Люксембургский и Ботанический сады. Между этими двумя широкими дорогами находится сквер Клюни, обращённый к скоп-

лению старых строений на улицах Арп, Сен-Жак, Паршмен-ри, Сен-Северен, Закари, Галанд; Фуар и Англе.

В этом лабиринте извилистых, узких, нездоровых улиц, посреди грязных переулков без света и воздуха кишат де-вушки, не скрывающие свои пороки под лицемерной внеш-ностью. Заражённые, грязные, одетые в не поддающиеся описанию платья, некрасивые, костлявые, с растрёпанны-ми, порою седеющими волосами, они, несмотря на недоста-ток привлекательности, со своими блестящими от опьянения глазами, становятся предметом прихоти молодых каменщи-ков, землекопов и подметальщиков, завсегдатаев кабачков этого особого, единственного в своём роде квартала, которо-му вскоре предстоит исчезнуть с планов Парижа.

Самые молодые из этих гулящих женщин, наименее гряз-ные и лучше всего одетые, днём ходят за клиентами в Бота-нический сад, где встречаются различные слои общества и где они очаровывают людей всех возрастов.

С его галереями, хранящими богатства творения, с его зверинцем он является, бесспорно, любимым народным учреждением.

К проституткам с площади Мобер, Итальянской заставы и Конного рынка присоединяется некоторое число злоумыш-ленников, по опыту знающих это убежище, скрытое от по-лиции и пользующееся особым расположением публики.

Наблюдатель обнаружил бы в этой столь разнообразной толпе преобладающий женский тип, отличный от всех про-

чих посетительниц парижских парков, садов и скверов. Это тип доброй, скромной, порочной женщины, врага труда и любительницы животных. В Ботаническом саду она почти уверена, что встретит соотечественника, знакомого, но не столкнётся одна со своим квартирным хозяином.

Эта категория девушек невольно даёт начало будущему сутенёру — мальчишке двенадцати–шестнадцати лет, которому родители по неосторожности предоставили слишком большую свободу.

То, что происходит на улице, далеко не полезно и не нравственно для молодёжи; чаще всего это школа развращения, где она учится бродяжничать, сквернословить, фамилльярничать с первым встречным и говорить на арго.

В Ботаническом саду, желая развлечь девушек, обратить на себя их внимание и показать свою ловкость, юные негодяи при помощи камней охотятся на вяхирей.

Под предлогом «посмеяться» (таково их выражение) они посредством рогаток выкалывают животным глаза. Персидская львица и белый медведь недавно подверглись подобным увечьям. Американскому страусу (манду) проломили череп, а голубой лисице сломали лапу. Эти же негодяи пробираются к водоёмам и собирают яйца водоплавающих птиц.

У лабиринта, высшая точка которого служит бельведером для любителей красивых видов, сторожа застали влюблённые пары... Их удивление превзошло смущение. Разве не находились они под присмотром старых сторожей, которым по-

ручено не допускать туда непристойных посетителей?

Прогулочная часть Ботанического сада — та, где больше всего дурных элементов и где надзор слабее всего.

Извращённые страстью люди, любящие толпу, ищут её, смешиваются с девушками и удовлетворяют свои желания перед дворцом обезьян и зверинцем хищных животных. Что же касается карманных воров, то об их подвигах легко судить по собранию пустых кошельков, найденных в зарослях и бассейнах.

Конный рынок

Если выйти через главную решётчатую ограду Ботанического сада, справа по вторникам и субботам располагается конный рынок. Двое ворот облегчают вход туда. Одни предназначены для жеребцов, другие — для кобыл. На рынок, не разбирая ворот, через проходы Сен-Марсель и Опиталь входят тощие лошади вместе с барышниками, сутенёрами и девушками.

Проститутки пристают к людям всякого положения, проходящим на этот рынок, и в очень большом числе уводят их в грязные кабачки и ночные гостиницы тринадцатого округа.

Этот уголок Парижа имеет особый вид: ему не недостаёт живописности с точки зрения его населения, представляющего смесь честных рабочих и злодеев. Тут и там, среди новых построек, находятся настоящие лачуги, служащие убежищем подонкам общества.

Гренель со своими солдатскими девками, дорога Мен со

своими лжеработницами, выискивающими клиента с мешком в руках, бывшая Итальянская застава, Бют-о-Кай, бульвары Гар, Опиталь, площадь Пинель, улицы Насьональ, Арве, Дё-Мулен располагают самыми опасными девушками, которые неизменно состоят при рецидивистах, готовых охотиться за пьяницами и обирать запоздавших прохожих. Эта отвратительная компания живёт в братстве, и барышники, воры, убийцы никогда не выходят, не захватив с собой, как они выражаются, своего «дог», свою «даг» и свою «диг» (собаку, нож, женщину).

Центр Парижа

По другую сторону Ботанического сада находится Аустерлицкий мост, ведущий к старому пассажиу д'Ориан, расположенному между улицами Лион и Берси. Этот особый проход длиною от ста пятидесяти до двухсот метров, лишённый надзора, служит убежищем девушкам квартала и их телохранителям. Домовладельцы, возмущённые тем, что агенты в форме равнодушны к их жалобам, договорились и в прошлом месяце, воспользовавшись скандалом, вызванным присутствием пьяных сутенёров, около полуночи произвели уборку: одни вооружились метлами, другие — полными воды вёдрами, и вся уборка не заняла пяти минут. Компания исчезла, чтобы вновь собраться на улице Жюль-Сезар, в определённом месте, откуда ещё удобнее наблюдать за бульваром Контрэскарп, авеню Домениль, Лионским вокзалом и площадью Бастилии. В этом оживлённом, многолюдном ме-

сте, под сенью Июльской колонны — триумфального, погребального памятника, под взором гения Свободы, держащего в одной руке разорванные цепи, а в другой факел цивилизации, — прогуливаются проститутки разных возрастов, от ребёнка до сторбленной старухи.

Проституция открыто процветает на тротуарах площади Бастилии и на бульварах Бомарше, Фий-дю-Кальвер и Тампль; её прогулки и шатания имеют лишь второстепенное значение. Чтобы оживить их, сутенёры и девушки время от времени танцуют кадрили под музыку, исполняемую юными виртуозами мостовой.

Площадь Вогезов

Администрация, к счастью, положила конец скандалам, происходившим на площади Вогезов. Несколько молодых людей, украв у отца и матери деньги и драгоценности, исчезли в обществе девушек гораздо старше себя. Задержанные девушки недавно подверглись судебному преследованию и были приговорены к тюремному заключению.

Сад по-прежнему остаётся в распоряжении мира проституции, и один из членов комитета общественной гигиены призывает полицию помочь ему бороться с дурными личностями, которые день и ночь выставляют напоказ свою безнравственность. Присутствие этого печального населения, говорит он, делает прогулки невозможными для людей, желающих приводить туда своих детей.

Развратницы и их естественные защитники, словно высту-

пающие на сцене комедианты, ежедневно предлагают новое зрелище. Сегодня девушка, за которой следуют её подруги и которую тащат два сутенёра за подмышки, несётся от одного угла площади к другому, главным образом в часы, когда школьники выходят из муниципальных школ. В заранее назначенный момент, посреди бега, её отпускают, и она производит впечатляющее падение, сопровождаемое громким смехом и непристойными выкриками. Эти же подопытные создания катаются по земле, корчатся, испуская крики, от которых оглохли бы мирные гуляющие, и изображают истерические припадки с единственной целью показать свои... ноги и дать обычным спутникам повод растереть их.

Впрочем, подобные сцены происходят и в парках Монсо, Бют-Шомон, Монсури и в скверах центра Парижа.

С наступлением ночи проституция приобретает столь же публичный характер, как и сами сады; устраиваются партии в прятки, а виновные по профессии позволяют себе всякие непристойности: лишь квартал — богатый или бедный — определяет, чем различаются зазывалы и их сообщники.

Как и в случае с частными пассажами, не признанными городом, полиция останавливается перед оградами владений, принадлежащих государству, и именно государству приходится заботиться об их содержании и налаживать надзор.

Эти общественные места стали прибежищем бездельников, девушек дурного поведения, которые своими вызывающими нарядами, непристойными разговорами и любовными

забавами отгоняют гуляющих и воспитанников пансионеров.

Сторожа, как я уже говорил о садах Тюильри, недостаточно многочисленны. Храбрые люди, имеющие превосходные свидетельства о службе, слишком стары и, несмотря на все старания, не могут противиться вторжению девушек, сопровождаемых мужскими товарищами.

Однако следовало бы срочно избавиться от этих отвратительных посетителей все сады; оздоровление должно быть повсеместным, и речь не о том, чтобы желать и ожидать. Префект Сены имеет все основания договориться со своим коллегой, не обращая внимания на муниципальный совет, который никогда не станет связующим звеном между двумя своими врагами, чьи силы он пытается обезвредить, пока не найдёт способа уничтожить их.

Когда сад на площади Вогезов закрывается, девушки расходятся по улицам Сент-Антуан и Риволи вплоть до башни Сен-Жак. Развернувшись цепью, вы напрасно будете стараться избегать их, переходя на другую сторону тротуара: они в конце концов захватят вас в проходе — это настоящая охота на человека.

На площади Шатле скамейки заняты рецидивистами и сутенёрами, которые ждут, с папиросой в губах, возвращения своих подруг, вышедших из префектурного диспансера на набережной Орлож.

Возле Центрального рынка, в частности на улицах Обри-ле-Буше, Кенкампуа, Реньё, Мобюэ, девушки и сутенёры

собираются группами, спорят, дерутся без серьёзной причины, разбивают друг другу лица ударами кулаков, а иногда пускают в ход ножи. При появлении полицейских этот негодный народ исчезает, ни один жалобщик не появляется, и всё кончается кровавым расчётом.

В два часа ночи незарегистрированную проститутку из мести бросили в повозку огородника, стоявшую на бульваре Севастополь, и, несмотря на её сопротивление и крики, заглушённые улюлюканьем сутенёров, один из которых по прозвищу Зизи-Панпан, совершил над ней насилие.

Улица Вениз

Когда в одиннадцать часов вечера мы идём по улице Вениз, её вид удивляет нас, и, бросив тревожный взгляд, мы думаем, что за каждой дверью, выходящей на эту узкую, зловещую, грязную улицу с чёрной, скользкой мостовой, скрывается враг. Жизнь здесь начинается лишь около двух часов ночи, когда проститутки, даже не раздеваясь, поднимаются со своих убогих постелей и готовятся принимать посетителей. Большинство слегка пьяных занимает старые лавки, превращённые в комнаты, полные чудовищных крыс. Эти помещения, расположенные на уровне мостовой и выходящие прямо на улицу, лишены настилов из досок, плитки, воздуха и света; двери плохо закрываются, стены источают сырость и грязь. Несмотря на нищету, эти убогие жалкие пристанища сдаются по три—пять франков за сутки.

Улица Вениз населена также людьми, работающими но-

чью на Центральном рынке: сторожами повозок, носильщиками, грузчиками и уборщиками мусора. Они зарабатывают всего четыре франка, но получают натурой чаевые — рыбу, овощи, фрукты, — которые обменивают на вино или на услуги покорных им девушек, своих соседок, чьё существование сопоставимо с существованием животного. В самом деле, от своего пола у этих женщин осталось лишь название: состарившиеся в ремесле, эти отвратительные создания, отбросы среди девушек, даже не считаются женщинами; они пассивно покоряются и за пятьдесят сантимов, за франк, редко за два, отдаются похотливым фантазиям своих завсегдатаев, среди которых немало огородников.

Если у мужчины не хватает денег, чтобы заплатить им, он оставляет съестные припасы, и до девяти часов утра женщины накапливают провизию в задней комнате, часть которой служит им пищей, а остальное передаётся торговцам вином и владельцам меблированных комнат на улицах Вениз и Мобюэ; но что они предпочитают капусте, моркови, картофелю, рыбе, фруктам, сыру и яйцам, так это масло, причём какое масло!.. То самое, которое прошло через пробование. Пробование состоит в том, что в бочонки погружают щуп, а затем высасывают из него извлечённый кусочек масла, чтобы определить его свежесть и качество. Покупатель выплёвывает излишек того, что не считает нужным проглотить, и поскольку в Париже ничто не пропадает, кто-нибудь подбирает всё оставшееся после него. Бродяги пристраиваются следом

за пробовщиками и, закончив сбор, несут это лакомство девушкам, получая взамен мелкие деньги. Те разминают его, вновь перетапливают и продают по франку пятьдесят сантимов за килограмм посетителям заведений, где подают суп за десять сантимов.

Завсегдатайница улицы Вениз перешагнула сорокалетний рубеж и, подобно своей товарке с улицы Фий-Дьё, покидает жильё лишь затем, чтобы пойти выпить, причём навещает питейные заведения дважды в месяц. Достигнув последней ступени проституции, она тем не менее подчиняется, и притом вполне методично, правилам диспансера; полиция нравов надзирает за ней лишь постольку, поскольку дело касается связей, которые она могла бы поддерживать с юными, рано вступившими на этот путь ученицами, довольно многочисленными на улицах Рамбуто, Симон-ле-Фран и Кенкампуа.

Лачуги на улице Вениз пользуются большим спросом и высоко ценятся у девушек, достигших сената проституции.

Это название обозначает *старую «номерную»* (зарегистрированную проститутку, которая, несмотря на свой возраст, всё ещё предаётся разврату. Став жилищкой, девушка считает делом чести поддерживать свои дела в должном состоянии, а сводится это к тому, чтобы добывать лохмотья, которыми она прикрывается, и каждый вечер расплачиваться за жильё. Хозяйева тем требовательнее, чем нетерпеливее претендентки ожидают освобождения помещения.

Квартал Бон-Нувель

Из всех кварталов Парижа Бон-Нувель, соседствующий с Центральным рынком, наиболее посещаем проститутками. Объясняется это прежде всего узкими, тёмными улицами, которые здесь находятся, затем близостью ворот Сен-Дени и Сен-Мартен и, наконец, многочисленными заведениями, где они могут не только укрыться, но и заниматься своим промыслом.

Одинокие девушки, снимающие меблированные комнаты, пивные, обслуживаемые женщинами, и терпимые дома, которых насчитывается семнадцать, также преобладают в этом квартале, расположенном в центре деловой жизни, а по вечерам все эти зазывалки овладевают улицей и держатся на довольно ограниченном пространстве, отчего привлекают внимание жителей.

Это смешение девушек объясняет разнообразие их способов завлекать прохожих; одни ударяют прохожих зонтиками от солнца или дождя; другие обращаются к ним прямо, издавая негромкие птичьи крики. На бульваре Бон-Нувель некоторые выставляют напоказ ноги, как можно выше поднимая юбки; другие — руки, непрестанно помахивая большим веером, скрывающим лицо и красоту предлагаемого товара. Одна покрывает голову завитыми локонами, другая выгибается, чтобы лучше выделить грудь, и все сохраняют на губах улыбку, от постоянного употребления превращающуюся в гримасу.

Способы завлечения бесконечно разнообразны; описать их все было бы невозможно, однако некоторые ещё заслуживают упоминания вследствие своего своеобразия и для того, чтобы показать, насколько настойчива и изобретательна девушка, насколько широко она раскидывает свои поиски, когда хочет *добыть дневной заработок*.

Экипажи, омнибусы

Есть девушка, скромно одетая, с небольшим свёртком в руке, которая привлекает клиентов в омнибусах. Она похожа на работницу, отправляющуюся сдавать изделия «в магазин», и проезжает путь от Мадлен до Бастилии столько же раз, сколько экипаж этой линии. Ноги и локти служат ей помощниками, и, если какой-нибудь пассажир заговорит с ней, она сумеет ловко выйти у дверей кафе, ресторана или гостиницы, куда её сосед непременно последует за ней.

Железнодорожные вокзалы

В дождливую погоду залы железнодорожных вокзалов становятся убежищем для девушек, которые обычно пристают к пассажирам лишь у входа или в окрестностях этих вокзалов.

Когда они ходят по двое, их называют «рутьерками»; тогда они привлекают людей, приехавших в Париж из других мест, с целью обобрать их.

Перед парадным двором Восточного вокзала, в двух шагах от полицейского поста, стоят девушки, чья специальность — служить проводницами многочисленным проезжим

эмигрантам, покидающим Германскую империю в надежде обрести под другим небом счастливую и милосердную родину.

Залы Северного вокзала служат местом встреч для шулеров, которые с помощью девушек завлекают, особенно во время жатвы, бельгийских подёнщиков, возвращающихся на родину. Приведённые к торговцам вином, сдающим комнаты и состоящим в сообщничестве с мошенниками, эти чужеземцы губят своё здоровье и проигрывают в игру под названием «*три карты*» сбережения многих трудовых дней.

Но из всех вокзалов Сен-Лазар, благодаря разветвлённости своей сети и множеству пригородных поездов, наиболее оживлён. Завлечение клиентов здесь не прекращается.

Специальный комиссар вокзала при содействии агентов тщетно пытался удалить из галерей, ведущих в залы ожидания, сброд, чьё недвусмысленное поведение оскорбляет подавляющее большинство мирных пассажиров. Через два дня после полицейских операций оставшиеся на свободе незарегистрированные проститутки возвращались в огромный зал Потерянных шагов и с насмешливым видом приветствовали рукой агентов полиции нравов.

Эти девушки, как говорят, пользуются покровительством лиц, имеющих абонементы на поезд «банкиров».

Если в Булонском и Венсенском лесах их защищают дорожные рабочие, то на общественных прогулочных местах, где расставлены стулья, женщины, сдающие эти стулья на-

прокат, часто служат им осведомительницами за небольшое вознаграждение, и, что невероятно, некоторые служащие вокзалов поступают так же.

Пригородные поезда

Девушки, которых можно назвать «странствующими», занимают свои позиции на вокзалах. С маленькой сумочкой в руке они ходят взад и вперёд с тревожным, смущённым видом и кажутся ожидающими прибытия поезда. В действительности они ищут и ждут только попутчика. Обследовав подходы к вокзалу, его внутренние помещения и галереи, они входят в залы ожидания и решаются сесть в купе первого класса, часто в то, которое отведено для курящих.

Использование льготных абонементных билетов на пригородных линиях породило этот новый вид завлечения клиентов, которым занимаются «вагоньерки», совершающие поездку из Парижа до пяти или шести раз за день.

Одни с простодушным видом приступают к обучению учеников, живущих вне учебных заведений, либо используют свой накопленный опыт на службе у старых развратников, которых увлекают в гостеприимные трактиры, известные в окрестностях Парижа тем, что способствуют проституции.

Другие подмигивают, слегка улыбаются, ставят ногу на край противоположной скамьи, чтобы показать чулок телесного цвета и очертания икры, а затем намеренно принимают многозначительные позы, ловко вызывая необходимость поправить юбки, одновременно стараясь привести их в по-

рядок. Эти женщины под каким-нибудь пустячным предложением довольствуются тем, что назначают свидание или соглашаются на него.

Некоторые из этих странствующих искательниц удовольствий действуют менее осмотрительно; они растягиваются на сиденьях и превращают общественные вагоны в места для уединения.

Одна специалистка на Отёйской линии за пять франков показывала любителям то, что в образном выражении называла *«портретом своего банкира»*.

На скачках

Ваша полиция по надзору за играми, господин префект, должна была сообщить вам о махинациях, которые устраиваются на пригородных ипподромах. Эти собрания позволяют букмекерам и мошенникам действовать как хозяевам, прямо на месте и среди бела дня. Та же полиция, должно быть, дала вам и ключ к загадке, позволяющий ещё до старта лошадей узнать, кто станет победителем скачки.

Что касается содержанок, соблазнительных, расчётливых, честолюбивых, то они часто исполняют роль кучеров; это даже лучший для них способ действовать. Взгромоздившись на сиденье экипажа, они окидывают взглядом и сравнивают аристократов по рождению и аристократов богатства; они чуют, угадывают иностранных выскочек, полуворов, мошенников на четверть, сутенёров из высшего света, составляющих большую часть игроков. Эти цветы альковов, дерзкие

и высокомерные, на скаковых полях предпочитают удовольствия светской жизни азарту игры, и начинают находить, что этот батальон молодой и старой гвардии, маневрирующий под руководством бывалых женщин, занял слишком много места, которое должно принадлежать порядочным женщинам.

Аукционный зал

Среди многочисленной публики, любящей всякую рухлядь и составляющей основу постоянных посетителей Аукционного зала, снуют девушки, которые ищут, особенно зимой, более мягкой температуры, нежели на улице. В плотной толпе они действуют коленями и намеренно наступают на ноги праздношатающихся. Извинившись, они в конце концов занимают у них пятьдесят сантимов, чтобы отправиться в уборную.

Это такой же способ завлечения клиентов, как и всякий другой.

На кладбищах

Домов и мест, где в Париже собирается и развлекается толпа, великое множество; но даже их недостаточно для этой категории девушек, мало заботящихся о приличиях и не испытывающих ни малейшего уважения к покойным. Пользуясь свободным доступом на кладбища, они прогуливаются там и при необходимости ложатся на надгробные плиты.

Нескольких застали на месте при совершении непристойных действий, и это доказывает, что проституция вместо

того, чтобы сосредоточиваться в отдельных местах, распространяется повсюду, словно проказа.

Наряду с этими «кладбищенскими пьеррезами» появляется молодая вдова в глубоком трауре, проводящая послеобеденные часы на кладбище, где она носит с меланхолическим видом своё воображаемое горе. Она садится на скамью и при случае роняет носовой платок. Эта вдова человека, никогда не существовавшего, — девушка, успешно занимающаяся завлечением клиентов посредством сострадания.

В театре

Та, которая в театре занимает место возле выходов, находит охотников до её услуг в зрительных залах второразрядных театров.

Часто можно услышать такой разговор:

— Простите, мадемуазель, это место занято?

— Нет, месье, оно так же свободно, как и я.

Девушка побогаче берёт ложу у самой сцены и входит в неё лишь тогда, когда начинается главная пьеса. Её появление производит впечатление, она вертится, суетится, опрокидывает низкие скамеечки и, усевшись, подмигиванием посылает дружеский знак подругам на сцене и в зале. Цветочница и билетёрши берут на себя остальное.

«Копилки»

«Копилками» называют зазывалок ночных удовольствий, за которыми их защитники наблюдают на углу улицы или из-за киоска. Она по несколько часов подряд ждёт у дверей клу-

бов выхода удачливого игрока, которого сможет подцепить.

В темноте, под ярко освещёнными окнами игорного дома, «копилка» подстерегает того, кто собрал деньги.

Экипажи

Многие мужчины становились жертвами завлечения при помощи *«грызущего червя»*, практикуемого на Елисейских Полях и на террасах общественных заведений. Приезжий легко попадает на эту уловку, когда девушка, сидящая либо перед кафе, либо на стуле, смотрит на него влюблённым взглядом. Убедившись, что она испытывает к нему некоторое влечение, он подходит, заводит галантный разговор и в конце концов предлагает ей прогулку в экипаже. Экипаж, столь неосторожно предложенный им, уже давно стоял здесь, поскольку за два часа, в течение которых он рассчитывал им воспользоваться, завлечённый вынужден заплатить кучеру двадцать или тридцать франков, и притом в тот момент, когда уже собирался подняться к своей зазывалке.

Другие проститутки у вокзалов сидят в экипажах, кучера которых служат им сообщниками. Появляется пассажир, полагает, что экипаж уже занят, и собирается уйти, но девушка спрашивает, в какую сторону он направляется, и всякий раз оказывается, что ей нужно туда же. Поскольку свободных экипажей больше нет, она предлагает ему место, а остальное нетрудно догадаться. Уловка удалась.

Не одни только зазывалки с бульваров и Елисейских Полей прибегают к этому при стоянке экипажей; нередко мож-

но видеть и девочек, ожидающих, когда старые развратники придут и сядут возле них.

Несовершеннолетние обоих полов. — Цветочницы. — Театры. — Школы

Вот мы и подошли, господин префект, к проституции ранней, отвратительной и вместе с тем мучительной: к проституции детей.

Как и ваши предшественники, вы были удивлены бесчисленными жалобами, поступавшими в полицейские комиссариаты по поводу маленьких девочек, предлагавших посетителям, сидящим на террасах кафе, цветы, оторванные от букетов.

Действительно, доказано, что эта мнимая торговля служит лишь прикрытием нищенства и, что ещё серьёзнее, средством содействия проституции.

Мы вместе осмотрели особо отмеченные места, а именно бульвары Монмартр, Итальянцев и Сен-Мишель. С десяти часов вечера до полуночи сопровождавшие нас агенты установили, что двадцать три цветочницы в возрасте от восьми до двенадцати лет предлагали нам цветы, а восемьдесят две совершеннолетние девушки — сделку, не имеющую ничего общего с торговлей в прямом смысле слова.

На следующий день после этой экскурсии вы дали начальнику муниципальной полиции точные указания, чтобы он положил конец подобному положению дел. В тот же вечер одиннадцать из этих маленьких торговок, уличённых в явно

выраженном пристаивании, находились в ваших служебных помещениях.

Все они прошли медицинское освидетельствование и были признаны девицами.

По вашему распоряжению их расспросили по-отечески. Проникнувшись доверием, они рассказали нам, как действовали, но не желали назвать людей, которые преподавали им эти уроки порока, представлявшие собой отвратительную спекуляцию.

Эта ужасающая, столь глубокая безнравственность чрезвычайно вас взволновала... Вы узнали, что эти торговки цветами и удовольствиями, весьма развитые не по возрасту, соперничали с девушками, примыкавшими к ним, в далеко не безынтересном искусстве завлекать прежде всего похотливых стариков в глупые и низменные приключения. Они организовали или, вернее, для них организовали систему самого простого шантажа.

Поднося розу, украденную на кладбищах, они просят прокатить их в экипаже. Едва экипаж тронется, когда шторы ещё не опущены, эти юные цветы греха требуют от пяти до двадцати франков в зависимости от возраста и внешности человека. В случае отказа, ещё прежде чем допустить малейшую вольность, они заявляют, что, поскольку они несовершеннолетние, при первом же крике их братья, следующие за экипажем, явятся их освободить. Господина охватывает страх; он повинует, останавливает кучера, и, когда дверца

открывается, девчонки выпрыгивают на руки молодых людей, выступающих в роли сообщников, которым они со смехом передают результат пятиминутной поездки в экипаже.

Несомненно, эти нечистоплотные люди, едва ли достойные интереса, становятся жертвами этих маленьких бессовестных созданий, которым следовало бы лучше подчиняться.

Эта будущая добыча Сен-Лазара носит в качестве отличительного знака волосы, распущенные по спине или связанные узлом на затылке. У неё уже улыбка на губах, оживлённое лицо, вызывающий взгляд, и она смело показывается среди девушек и толпы, особенно на концертах в саду Пале-Рояля. Она одета как нищенка, пригодна для шантажа, приучена к проституции недостойными родителями, живущими в отдалённых кварталах Парижа.

Эта разновидность проституции — самая отвратительная, самая постыдная из всех; необходимо безотлагательно принять меры, чтобы раз и навсегда уничтожить эту язву нищенствующей и бесстыдной молодёжи.

Уже теперь закон, запрещающий труд детей самого младшего возраста на фабриках, не распространяется на детей, выступающих на театральных сценах; я видел феерии, в которых они исполняют роли влюблённых, а зрелища, которые они посещают, далеко не служат школой нравственности и добродетели. Речь свободна, жесты непринуждённые; однако родители, за редкими исключениями, служат в теат-

ре и могут надзирать за ними. Впрочем, вопрос, касающийся их, ещё остаётся нерешённым и в скором времени должен получить разрешение. Пока же благодаря новым предписанным мерам отцы семейств могут отныне позволять своим детям возвращаться из лицея одним. Подступы к коллегам наконец очищены благодаря аресту торговцев непристойными фотографиями и этих бродячих женщин, которые, устав обращаться исключительно к опытным мужчинам, принялись совращать приходящих учеников и полупансионеров.

После различных способов завлечения и непрерывных жалоб властям мы увидим, что предшествует этому и какие трудности приходится преодолевать служащим полиции нравов, чтобы без чрезмерного скандала поддерживать хоть немного нравственности на улицах.

Где начинается проституция? Где она заканчивается? Никто этого не знает. Она распространяется здесь, там, дальше, ещё где-нибудь, повсюду. С галантных антресолей она выставляет себя напоказ в окнах, и во многих парижских домах рядом с номером было бы нетрудно прикрепить золотую или серебряную монету, указывающую цену входа к женщинам.

Окна

Некоторые углы улиц пользуются большим спросом у проституток, занимающихся завлечением клиентов; это объясняется движением прохожих. Чтобы получить такое место, они подражают тряпичнику, который завладевает перекрёстком и прогоняет товарищей, желающих рыться слиш-

ком близко от его куч мусора. Подобно ему, они выбирают место, складываются деньгами, договариваются с консьержами, содействие которых обеспечено им получаемой выгодой.

Однако случается, что девушка, не принадлежащая к этому соглашению, отваживается появиться на территории, где её товарки устроили свой главный стан; её тотчас хватают, таскают за волосы, избивают и силой заставляют покинуть место.

Сказанное мною об улице относится и к помещениям, занимаемым девушками. В зависимости от расположения, местонахождения или клиентуры некоторые из них приносят настоящие торговые доходы. Окна этих помещений становятся предметом наблюдения, ожидания, притязаний.

Мне известно около пятидесяти таких помещений, мебель в которых никогда не менялась и которые постоянно перепродавались, потому что дом был удобно расположен, а хорошо заметные окна верхних этажей служили постоянной вывеской, способной привлечь клиента.

На улицах и в предместьях Сен-Дени, Сен-Мартен многие из этих помещений сдаются не только девушкам, имеющим документы; их уступают друг другу за три, четыре или пять тысяч франков.

Сколько торговцев вином, угольщиков, квартирных хозяев, торговцев фруктами спят у себя в лавке и сдают собственную комнату в поднаём, получая возмутительную прибыль!

Когда эти комнаты обзаводятся клиентурой, они стано-

вятся для девушек настоящей золотой жилой, и те прибегают ко всем мыслимым средствам, чтобы сделаться их обладательницами. Этим и объясняется, почему комнаты и помещения сдаются по баснословным ценам.

Вот копия договора найма, форма которого неизменно одинакова в том, что касается этих маленьких помещений.

«Между нижеподписавшимися:

1° Господин Б... и девица Р..., его супруга, торговцы тряпьем, проживающие совместно в Париже, улица...

С одной стороны;

2° Девица Д..., без определённого занятия, проживающая в Париже, улица...

С другой стороны;

Было сказано, совершено, условлено и постановлено следующее:

Господин и госпожа Б... сдают девице Д..., которая соглашается на это, комнату с освещением, расположенную на улице... на первом этаже дома, имеющего №..., основными нанимателями которого являются супруги Б... .

Настоящий наём осуществляется сторонами за установленную между ними сумму, которую девица Д... обязуется ежедневно уплачивать супругам Б... утром и вперёд.

В случае скандальных поступков, шума, нарушающего спокойствие дома, или неуплаты хотя бы за один день найма договор прекращается сам собой по простому устному предупреждению со стороны супругов Б... .

Нанимательница должна на следующий день освободить помещение без необходимости судебного преследования или какого-либо письменного уведомления.

Особо оговорено, что девица Д... занимает названную сдаваемую комнату одна; присутствие любой другой женщины запрещается ей под угрозой новых соглашений.

В случае расторжения договора по взаимному согласию сторона, которая выезжает, должна предупредить об этом за два дня без каких-либо иных формальностей.

Таковы условия, которые стороны обязуются добросовестно и с честью исполнять.

Составлено в двух экземплярах в Париже, ...

Утверждаю: Утверждаю:

Подпись: Б... Подпись: Д...»

Слова «добросовестно» и «с честью» образуют странное сочетание; спрашивается, что общего у них с документами, подписанными такими людьми?

Как видим, документ не упоминает цены найма, ибо она колеблется от трёх до десяти франков в день в зависимости от времени, сезона и политических событий.

Средняя плата за эту комнату составляет шесть франков, что уже даёт годовой наём в 2 192 франка, и вот уже более полувека она используется для одного и того же.

В записных книжках, находящихся у договаривающихся сторон, отмечают уплаченную и полученную сумму.

На деле комната сама по себе не имеет никакой ценности, значение имеет одно лишь окно, и оно стоит дорого.

На улицах Шоссе-д'Антен, Виктуар, Сен-Лазар, Прованс вместо комнат и небольших помещений встречаются квартиры, которые по своему расположению сдаются за тысячу франков в месяц, причём плата всегда вносится вперёд.

Расписки в уплате мебели и договоры найма фиктивны; лишь встречное письмо имеет силу и точно содержит условия, обсуждённые и одобренные сторонами.

Обойщик этих дам получает в двадцать раз больше той суммы, которую он израсходовал на установку кушетки.

У девушки есть лишь одна мечта: покинуть дом терпимости, где её эксплуатирует содержательница, чтобы устроиться самостоятельно; но когда мечта осуществляется, её эксплуатируют все окружающие. Даже не считаясь с ценой, она не имеет права проявлять требовательность к жилью; получив помещение, приходится терпеть владельца, продающего тряпье на улице Муфтар, угольщика на улице Кенкампуа, мебель — на улице Клери, туалетные принадлежности — на улице Мартир, либо поддельные драгоценности — на улице Прованс: всё это первые платежи, и известно, как именно!

Эти подозрительные торговцы, для которых деньги не имеют запаха, мало заботятся об общественной нравственности. Я попросил одного из них объясниться, и его ответ был таким:

«Я стремлюсь наполнить свою кассу, а девушка покрывает

мои убытки».

Согласно административным правилам, ни одна проститутка не должна показываться в окне, и однако до ушей прохожих доносятся «пст! пст!».

Чтобы создать видимость повиновения правилам, девушка из бедных кварталов города поступает следующим образом:

К полуопущенной оконной жалюзи она привязывает разноцветными лентами маленькие садовые шары. На нижней части окна, до высоты подоконной перекладины, она расставляет цветы и птиц так, чтобы оставить просвет, в котором видна её голова, и, сидя на низком четырёхугольном табурете, знаками приглашает любителей нанести ей визит.

В центре Парижа, возле Восточного вокзала, на улицах Эльзас, Мец, в предместьях Сен-Дени, Сен-Мартен, Тампль проститутки показываются в окнах с меньшей сдержанностью. Одни курят сигареты, носят яркие ткани, согласованные между ними и их клиентами; жестами и голосом они подают прямые призывы. Другие в хорошую погоду имеют привычку стоять у окна целый день в одной сорочке, с обнажённой грудью, не заботясь о проходящих женщинах и детях; они сидят на подоконниках и при помощи рта и пальцев проделывают движения, не оставляющие никакого сомнения в характере их занятия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.